

Шостакович Д. Д.

15.01.72

Вырезка из газеты

ТРУД

15 ЯНВ 1972

г. Москва

Газета №

3-я стр. • КУЛЬТУРА

СИМФОНИЯ

ИНТЕРВЬЮ ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

В ТОТ январский субботний вечер Большой зал Московской консерватории был заполнен до отказа. Впервые исполнялась Пятнадцатая симфония Шостаковича. Когда отзвучал последний аккорд и автор, по-детски застенчивый молодой человек, был наконец отпущен восторженным залом, никто из корреспондентов не беседовал с ним. Да и пытались, наверное, лишь те немногие, кто не был сведущ, кто не знал, что Шостакович интервью не дает.

А наутро он уже ехал в Рузу. Там, в тиши старых подмосковных лесов, запрягался Дом творчества композиторов.

О чем думал он, пока машина мчала по заснеженной автострате? Может, об отдыхе. Это важно сейчас для него. Каких-нибудь несколько часов назад он открыл людям свою новую симфонию. Синдирижер и Большой симфонический оркестр Всесоюзного радио и телевидения расшифровали тайный код его мыслей, души, записанный в нотных знаках партитуры. Как долго волновался, переживал, поймут ли слушатели именно то, что хотелось сказать! Теперь спокойнее. Кажется, симфония принята. Успех на премьере, первые доброжелательные рецензии. Ровно шумел мотор машины. Это не отвлекало его.

В БОЛЬШОЙ гостеприимной, а потому людной квартире Максима Шостаковича после короткого перерыва снова слышатся фортепьянные аккорды. Это занимается десятилетний Митя, сын Максима — третье поколение Шостаковичей.

О многом переговорено — о личных и творческих планах дирижера, симфоническом оркестре Всесоюзного радио и телевидения, которым он руководит, о предстоящих гастролях. Завтра он улетает в Югославию. Но больше разговор касался его отца.

Оказывается, Дмитрий Дмитриевич, работая над новым произведением, вообще не садится за фортепьяно. Он мысленно слышит каждый инструмент огромного симфонического коллектива, каждую партию, каждую оркестровку. Нет, говорит Максим, отец может сыграть для души, для внука, для гостя. Но это не работа, а отдых.

Ставший традиционным образ композитора, который вскакивает ночью с постели и, всклокоченный, бросается к любимому роялю проиграть, записать те единственные звуки, которые только что пришли в голову, в этом случае совсем неуместен.

Пятнадцатую, казалось, он давно создал в своей душе и сердце. Оставалось только записать ее. И это не заняло много времени — каких-нибудь два месяца летом в Релино под Ленинградом. Туда он наезжает уже который год.

Партитура огромной симфонии писалась сразу набело. В авторских листах ни одного исправления, ни одной зачеркнутой фразы. И так со всеми произведениями Шостаковича, сколь велики и сложны они ни были.

Когда же он сочиняет музыку? Может, на прогулке по тихим московским переулкам, примыкающим к его дому? Прямой, высокий, в длинном зимнем пальто и меховой шапке, он напоминает большую, немного грустную птицу. А может, музыка приходит к нему по дороге на спектакль, концерт?..

Время от времени, когда канва нового произведения оказывается

абсолютно ясной и зримой, он берет за карандаш. Максим рассказывает: конечно, дома старались поменьше шуметь, но отец часто писал и под нескончаемый аккомпанемент его детских гамм.

Дмитрий Шостакович родился в 1906 году в Петербурге. Слава пришла к нему давно и надолго. Но сделала его еще более требовательным к себе, а потому, может быть, более скромным, порой замкнутым. Правда, в нелицеприятности этого человека не упрекнешь. А об уважительном отношении к окружающим, о деликатности Дмитрия Дмитриевича рассказывают легенды.

Не так давно Шостакович был в больнице. Но стоило знакомому, проходя мимо, сказать: «Здравствуйте, Дмитрий Дмитриевич!» — он вместе с ответом непременно силится привстать, поклониться. А разве не добрая деликатность в отношении к домашним проявляется, когда в кульминационный момент работы он не медля откладывает все в сторону, если зовут к обеду: нельзя же, чтобы ждали.

Пятнадцатая симфония! Это большое многоплановое полотно. Его герой — человек и человечество. Жизнь — от Начала до Конца. Рассказывая на репетиции исполнителям о своем восприятии симфонии, Дмитрий Дмитриевич Шостакович заметил: «Первая часть — детство. «Игрушечный магазин», множество безделушек, полная безоблачность». Душевные бури и страдания, поиски истины, борьба — через компромиссы к бескомпромиссности идет Человек, обретая мудрость. В музыке и лирика, и патетика. А может быть, это судьба человека и судьба человечества — многое зависит от того, кто с каким настроением пришел в концертный зал.

В НАШЕМ откровенном разговоре в квартире Шостаковича трудно было удержаться от соблазна и не спросить у Максима о личном понимании симфонии. Ведь он — первый дирижер.

— Для меня Пятнадцатая — большой роман о человеке, о его жизни. Мне кажется, в симфонии поднята на высокий философский уровень обобщения вековая мудрость цикличности жизни.

До Тринадцатой симфонии право первого исполнителя каждого нового сочинения Шостаковича принадлежало ленинградскому дирижеру Евгению Мравинскому. Пятнадцатую композитор отдал сыну. Максим надеется сохранить это право и в будущем.

В шутку мы сказали Максиму, что он, наверное, был «обречен» на то, чтобы стать музыкантом-исполнителем или дирижером произведений отца. Нет! Он уверен: это — призвание. Да и невозможно было в такой семье, где даже воздух, кажется, пропитан музыкой, не стать ее верным слугой.

НЕСКОНЧАЕМАЯ лента шоссе убежала вдаль. Отдыхал ли Дмитрий Дмитриевич долгой дорогой в Рузу? А может, уже началась работа над новой Музыкой, или композитор еще живет Пятнадцатой? Каждое новое произведение особенно дорого. И это чувство отходит на второй план только тогда, когда композитор принимается за следующее сочинение.

Так будет и теперь.

**М. ГЛЕБОВ,
Ю. ЗАРУБИН.**

На снимке: М. Шостакович и Д. Д. Шостакович.